

Реальный ВВП России — величина загадочная. Помимо его официального номинала есть исчисление по ППС и оценки с учетом теневого объема. В итоге получается нечто между двумя и тремя триллионами долларов. Особо сведущие эксперты указывают на двух-трехкратное превышение реального ВВП над официальным. Но уж если копнуть глубже, то надо увязывать эти оценки с национальным богатством, включающим «наши леса и поля», месторождения, реки и озера, воздушное пространство, частотные ресурсы и многое иное, ускользающее от общепринятой статистики. И совсем любопытная картинка возникает, если принять в расчет расширенную концепцию капитала, далеко превосходящую укоренившиеся практики российского бухучета. Вывод укладывается в классику народной мудрости: «что имеем — не храним, потерявши — плачем», «что с возу упало, то пропало», «видит око, да зуб неймет» и т.п.

Между тем мировая экономика в последнюю треть XX века давала больше дохода от богатства, нежели от текущего оборота. И именно в это же 30-летие Россия подседа на иглу, но вовсе не на ту, которая обычно упоминается. Игла эта и игра с нею — недокапитализация и деструкция как способ обогащения немногих в ущерб многим. Сюжет хорошо известен всем, кто доучился до старших курсов западных экономических факультетов. Речь о гиперконкуренции и подрыве рыночных институтов как базовом способе контроля и захвата рынков. В палитру методов этого типа экономического поведения входит и подрыв жизнеспособности соперника и целых рынков.

Александр Агеев

www.ageev.net

Ставка на Прорыв

Концепция «полного мира», заявленная в докладе Римского клуба «Come on», реалистично описывает негативные последствия сложившейся ресурсной, технологической, трудовой ситуации и спекулятивной парадигмы мировой экономики. Выход из тупика ее авторам видится в первую очередь в «Новом просвещении» и распространении идей энергосбережения и ограничения ресурсной экспансии и засорения планеты.

Россия же делает ставку на прорыв. Согласуя свои подходы максимально там, где это возможно и нужно, и даже там, где это нецелесообразно, с международными установками (это не только и не столько ООН, сколько сотни разных международных правовых режимов), Россия стремится избежать срыва в автаркию и изоляцию. При всей бравадности речей о позитивном влиянии санкций есть понимание и их негативно-го влияния. Но рынки в условиях кризиса мировой экономической гегемонии и глобализма будут закрываться от страны, чей вес в мире столь парадоксально неоднозначен: в чем-то велик, в чем-то ничтожен, но на круг в любом случае выходит — страна великая и для мирового порядка исключительно важная. И она не имеет права отставать там, где отставание сулит повышенные риски. Из этого факта исходит и нынешняя обостренная дискуссия в экспертном сообществе и определенных кругах гражданского общества. Она в конечном счете о векторе и силах развития.

Вектор, судя по недавним опросам об образе будущего, расщепился, тяготея к тому, чтобы стать большим пучком из более чем 100 млн векторов. Аномия и индивидуализация. Сплачиваясь вокруг немногих идеалов и святынь, общество сильно расслаивается по другим жизненным критериям. Соответственно расслаиваются и общественные силы. Ситуация хорошо известна по прецедентам 1917 и 1991 годов, например, когда зарвавшихся, вырвавшихся чересчур вперед или застоявшихся в чересчур архаичном в эпоху перемен корректировали, причем не всегда элегантно. А вырастить «критмассу» позитивных сил для позитивных перемен надо еще суметь. И «омоложением» кадров и играми в лидерство здесь не обойдешься. Не каждый ведь отдает себе отчет в том, что «жизнь здесь и сейчас станет оазисом, если найти путь к себе», как осознала это однажды мудрая улитка. Не зря же братья Стругацкие взяли эпиграфом к своей известной повести хайку Кобаяси Иссы...